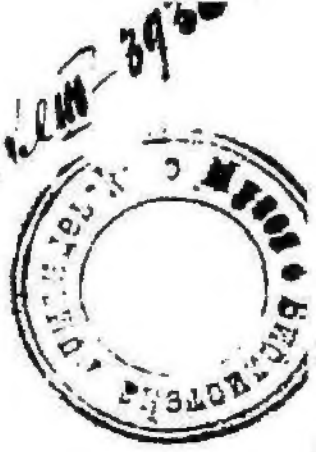
2007042134



О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Чл. сотр. А. Н. Пыпина.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 17 апрѣля 1885 года).

Предметъ, о которомъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, могъ бы послужить тезисомъ для цѣлаго академическаго трактата, и надо бы желать, чтобы онъ привлекъ болѣе пристальное вниманіе ученыхъ этнографовъ и любителей; — въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли бы только напомнить о томъ, что было бы нужно для правильной, широкой постановки той науки, отъ успѣха которой такъ много зависитъ наше знаніе народа. Этнографія не есть наука книжная; матеріалъ, надъ которымъ работаетъ ученый, долженъ быть прежде всего собранъ въ народной средѣ, въ живомъ народномъ быту, не только внѣшнемъ—въ обиходѣ народнаго права, обычая, промысла, но и въ быту внутреннемъ—въ задушевномъ мірѣ народной поэзіи, вѣрованья и преданья. Изслѣдователь, какою бы обширной эрудиціей ни располагалъ въ объясненіи этнографическихъ фактовъ, прежде всего зависитъ отъ своего матеріала, отъ степени знанія и искусства собирателя. Ученый самъ рѣдко бываетъ собирателемъ,—а при такой громадной области наблюденія, съ какою должна имѣть дѣло русская этнографія, соединеніе обѣихъ работъ въ одномъ лицѣ является просто немыслимымъ. Итакъ этнографическое собираніе составляетъ въ наукѣ дѣло первостепенной важности; это—самая основа всего научнаго построенія; чѣмъ богаче и шире ведена работа собирателя, тѣмъ значительнѣе могутъ быть выводы изслѣдователя, — какъ наоборотъ и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто ученому приходится убѣждаться въ непрочности

своихъ заключеній, когда сама основа непрочна, недостаточна, фальшива.

Русская наука находится въ своемъ особомъ положеніи относительно своего матеріала. Она совершила много замѣчательнаго труда, но до сихъ поръ ей еще слишкомъ многаго недостаетъ, и чѣмъ дальше идетъ теоретическая разработка, тѣмъ больше растутъ desiderata и тѣмъ больше чувствуются капитальные пробѣлы въ матеріалѣ.

Но не слѣдуетъ, однако, заблуждаться о размѣрахъ произведенныхъ изученій. Стоитъ немного вникнуть въ ихъ настоящее положеніе, чтобы видѣть, что въ сущности дѣло еще только начато, что при всемъ безотносительномъ богатствѣ пріобрѣтенныхъ результатовъ, они слишкомъ недостаточны по громадности предмета, подлежащаго изслѣдованію, которой далеко не отвѣчаютъ научныя средства, до сихъ поръ примѣненныя къ этому дѣлу.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно представить себѣ громадную область, на которой раскинуто русское племя, разнообразныя условія его жизни, многоразличные типы населенія и пр., чтобы впередъ усомниться въ достаточности нашихъ этнографическихъ знаній; сдѣланое до сихъ поръ не составляетъ ли лишь малую долю того, что должно быть сдѣлано для научной постановки русской этнографіи. Ея задача необычайно обширна уже вслѣдствіе одной внѣшней громадности географической области народа, и исполненіе далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ этой задачи.

При всемъ обиліи этнографической литературы, крайне неполны еще свѣдѣнія о самой господствующей народности. Великорусское племя существуетъ теперь въ цѣломъ рядѣ оттѣнковъ и варіацій, которые не только не изслѣдованы вполнѣ, но иногда едва намѣчены. Народный типъ центральныхъ губерній, поморскаго сѣвера, южныхъ областей на переходѣ къ малорусскому, средней и нижней Волги, типъ казацкихъ населеній на Дону и на Уралѣ, типъ сибирскій,—все это весьма несходныя варіаціи, подробное изслѣдованіе которыхъ въ извѣстной систематической цѣлости представило бы величайшій интересъ какъ научный такъ и общественный.

Варіанты великорусскаго народнаго типа произошли не только отъ старыхъ корней, отдаляясь одинъ отъ другого подъ всякими природными и историческими условіями, но и изъ множества племенныхъ смѣшеній. Русскій народъ воспринялъ въ себя цѣлую массу инородческихъ элементовъ. Изученіе этихъ инородческихъ стихій русской народности, можно сказать, еще не существуетъ.

Въ послѣднее время ссылки на народъ, на его міровоззрѣніе, на глубокій общественный смыслъ послѣдняго, стали такимъ распространеннымъ пріемомъ, что къ нему прибѣгаютъ даже люди партій, на дѣлѣ очень мало заинтересованныхъ народнымъ міровоззрѣніемъ и народнымъ благополучіемъ. Эти ссылки остаются обыкновенно совершенно произвольными и бездоказательными: по однимъ, народъ думаетъ то, по другимъ—другое. Болѣе или менѣе правдивая картина народнаго міровоззрѣнія опять можетъ быть дана только обширнымъ и многосторонним наблюденіемъ: изслѣдованіе этнографическое становится нравственной обязанностью общества, и взамѣнъ можетъ сослужить важную службу вопросу соціальному.

Въ настоящую минуту усиленное этнографическое наблюденіе было бы необходимо и по другому соображенію.

Этнографы давно обратили вниманіе на исчезновеніе стараго обычая. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ наблюдатели народнаго быта говорили уже о быстромъ исчезновеніи обычаевъ, преданій, пѣсенъ, и о необходимости собирать ихъ, пока они совсѣмъ не пропали. И дѣйствительно, пѣсни и обычаи исчезли, хотя повидимому въ тѣ годы никакая особенная новизна не нарушала старыхъ порядковъ быта. Нельзя не замѣтить, что новѣйшіе сборники уже не приносили тѣхъ, нерѣдко прекрасныхъ, пѣсенъ, какія находятся въ старыхъ сборникахъ. Въ Малороссіи большой рѣдкостью стали кобзари, которые помнятъ старыя казацкія думы, и т. д.

Но если и нѣсколько десятилѣтій назадъ можно было жаловаться на исчезновеніе преданій, то теперь наступилъ несравненно дальше захватывающій и сильный кризисъ, который въ значительной массѣ народа унесетъ безвозвратно еще больше старины. Понятно, что въ наше время этотъ кризисъ привлеченъ прежде всего тѣмъ переворотомъ, какой произвела во всемъ нашемъ внутреннемъ бытѣ крестьянская реформа.

Въ прежнія времена, въ господство крѣпостного права, частнаго и государственнаго, крестьянство представляло отдѣльный міръ, обставленный всякаго рода опекой и загородками, обособленный отъ всѣхъ другихъ сословій, лишенный всякой самостоятельной дѣятельности и иниціативы, исключительно прикованный къ земледѣльческому и другому крѣпостному труду. Заключенный въ своемъ безъисходномъ кругѣ, крестьянскій міръ естественно жилъ однимъ преданіемъ, унаслѣдованными бытовыми формами и обычаемъ, которые съ другой стороны оберегала и сама крѣпостная власть. Реформа разрушила эту обособленность. Новыя поколѣнія крестьянства, вы-

роставшія на волѣ, росли уже подъ иными впечатлѣніями; прежній тѣсный кругозоръ расширялся; извѣстное чувство своей воли проникло въ семью и ослабило старыя патріархальныя отношенія, а съ ними и вообще старое преданье...

Наконецъ, должна была оказывать извѣстное вліяніе и школа. Тамъ, гдѣ ея питомцы дѣйствительно чему нибудь выучивались (а въ этомъ нельзя сомнѣваться), у нихъ возникалъ новый интересъ—въ чтеніи, которое, какъ-бы ни приноровляли его къ средѣ, все таки съ ней расходилось и направляло мысли въ другую сторону и—дальше отъ преданія.

Подъ вліяніемъ всѣхъ условій нашего времени, тотъ процессъ, который всегда подтачиваетъ старину, идетъ несомнѣнно гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, и этнографамъ слѣдуетъ поторопиться съ собираніемъ народно-поэтическихъ произведеній, обычаевъ, преданій и т. д. Съ отживающимъ теперь старымъ поколѣніемъ пропадетъ безслѣдно многое, что̀ еще можетъ быть сохранено; разъ начался упадокъ старины, молодыя поколѣнія относятся къ ней не только равнодушно, но какъ будто съ пренебреженіемъ—старой пѣсни не заучиваютъ, потому что кругомъ входятъ въ моду новыя; вкуса рѣдко достаетъ, чтобы понять, насколько наивная эпическая и лирическая старина выше забубенной пошлости новѣйшихъ пѣсенъ, приносимыхъ изъ города—старыя пѣсни становятся далеки отъ жизни по своему содержанію и пропадаютъ...

Въ западной Европѣ уже нельзя отыскать архаической поэзіи—она исчезла раньше, чѣмъ пробудился къ ней національный и научный интересъ; на своей народной почвѣ мы застаемъ еще послѣдніе отголоски этой поэтической поры народной жизни—тѣмъ больше надо позаботиться сохранить ихъ для нашей собственной исторіи и для цѣлей науки.

Итакъ, наши этнографическія собранія, взятыя въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ объемомъ народной жизни, который долженъ быть подвергнутъ наблюденію, представляются еще крайне недостаточными. Мы можемъ гордиться напр., нашими пѣсенными собраніями, но если сравнить ихъ съ тѣмъ, что, по всѣмъ указаніямъ и предположеніямъ, должно еще храниться въ памяти и въ устахъ народа, нельзя не заключить, что наши знанія въ дѣйствительности далеко не охватываютъ существующаго матеріала. Точно такъ же и въ другихъ областяхъ народной жизни и поэтическаго творчества, въ об-

ласти народнаго словаря, обряда, преданій, обычая, музыки и т. д. и т. д.

Что же нужно для того, чтобы наша этнографическая наука стала должнымъ образомъ по размѣрамъ самаго предмета, подлежащаго ея изслѣдованію? Этотъ вопросъ не можетъ не требовать вниманія тѣхъ, кому близки тѣ или другія отрасли этого знанія, и вообще вниманія просвѣщенныхъ людей нашего общества.—Мы предложимъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ въ другой разъ.

Современная наука стремится къ чрезвычайному осложненію и вмѣстѣ спеціализаціи. Наука историческая давно перестала быть тѣмъ, чѣмъ была нѣкогда — исторіей военной и политической, и захватываетъ все большій кругъ явленій, особливо общественныхъ и народно-психологическихъ, и каждая изъ ея отраслей занимаетъ все болѣе независимое положеніе особой спеціальности. Въ этомъ смыслѣ, этнографія также перестала быть тѣмъ, чѣмъ была нѣкогда. По буквальному смыслу своего названія, это была „наука“—чисто описательная; теперь это изученіе такъ разрослось, что отдѣльныя части науки давно вышли изъ прежнихъ предѣловъ этнографіи, стали особыми спеціальностями, цѣлыми уже богато развитыми науками.—Изученіе племени стало антропологіей и этнологіей. Изученіе преданій составило науку миѳологіи: оно становится цѣлой исторіей народнаго вѣрованья, начинающейся съ первыхъ проблесковъ народной мысли и фантазіи въ языкѣ до современнаго повѣрья и суевѣрья, и проходящей черезъ всю историческую судьбу народа.—Изученіе обычая, тѣсно связанное съ миѳологіей, съ другой стороны стало предметомъ исторіи культуры. Изслѣдованіе народной поэзіи сливается, съ одной стороны, съ исторіей миѳа, потому что поэтическая дѣятельность первобытныхъ временъ несомнѣнно совершалась на почвѣ миѳа, господствовавшаго надъ міровоззрѣніемъ древняго человѣка; съ другой стороны, настойчивыя указанія Бенфея на литературныя связи Востока и Запада въ области народныхъ сказаній все больше и больше подтверждаются множествомъ явныхъ и любопытнѣйшихъ параллелей, которыя открыты были, особливо нѣмецкими учеными, въ средневѣковой поэтической литературѣ Востока и Запада, и къ которымъ въ послѣднее время присоединено много очень важныхъ указаній изъ памятниковъ русской письменности. Наконецъ, является потребность обобщенія многоразличныхъ данныхъ, собираемыхъ всѣми этими изученіями, въ одно цѣльное знаніе, и возникаетъ „психологія народовъ“, „этнографическая соціологія“ и т. д.—науки, которымъ со-

временные ученые еще подъискиваютъ центръ и имя. Прежняя тѣсная наука этнографіи, какъ описательнаго изображенія народовъ въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, смѣняется чрезвычайно сложнымъ рядомъ изученій, которыя стремятся слить свои частныя пріобрѣтенія въ одинъ результатъ—въ одно всеобъемлющее изученіе физической, психологической, культурной и нравственной жизни народовъ...

Такимъ образомъ этнографія, поставленная въ широкомъ смыслѣ ея нынѣшняго теоретическаго объема, должна воспользоваться содѣйствіемъ цѣлаго ряда спеціальныхъ наукъ, области которыхъ до сихъ поръ остаются въ черезполосномъ, неразмежеванномъ владѣніи. Онѣ и останутся неразмежеванными, такъ какъ самыя явленія изучаются съ ихъ различныхъ сторонъ, требующихъ спеціальнаго изслѣдованія, и объединеніе найдется тогда, когда отдѣльныя отрасли этого знанія выработаютъ свои, покрайней мѣрѣ, главнѣйшіе результаты.

Этой спеціальной работы предвидятся массы, и прежде всего въ той области фактовъ, которые составляютъ предметъ антропологіи. Это опять новая наука, которая въ немногіе десятки лѣтъ своего существованія успѣла добыть замѣчательные результаты въ вопросахъ о племенныхъ дѣленіяхъ, объ особенностяхъ расъ, о древнемъ человѣкѣ, о племенной устойчивости и преемствѣ и т. д. Глубокій интересъ этихъ вопросовъ вызвалъ труды многихъ первостепенныхъ умовъ современной науки и обширныя собранія фактовъ; у насъ уже двадцать лѣтъ назадъ образовалось ученое общество (московское—естествознанія и антропологіи), поставившее себѣ цѣлью—распространеніе антропологическихъ изслѣдованій на факты русской территоріи и русскаго племени; антропологическая выставка 1879 г., устроенная этимъ обществомъ, была прекраснымъ опытомъ его трудовъ и его усилій возбудить въ обществѣ интересъ къ предмету. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти усилія нашли до сихъ поръ достаточный отзывъ въ обществѣ и помогли установить правильный ходъ антропологическихъ работъ въ нашемъ отечествѣ.

Если желательно,—какъ настаивали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ,—чтобы антропологія была должнымъ образомъ поставлена въ университетскомъ преподаваніи, то желательно, чтобы она и вообще привлекла больше вниманія со стороны наличныхъ дѣятелей по естествознанію и этнографіи. Только съ ея участіемъ могутъ быть выяснены главные вопросы о племенномъ составѣ рус-

скаго народа, его антропологическихъ свойствахъ, многочисленныхъ между-племенныхъ связяхъ и отношеніяхъ и т. д. Какъ много дѣла для антропологіи на пространствѣ русской территоріи и русскаго племени, нечего говорить. Въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, наша антропологическая наука состоитъ изъ вопросовъ...

Прочное установленіе антропологическаго знанія придетъ, конечно, съ общимъ ходомъ нашей науки; но вмѣстѣ надо желать, чтобы шире и серьезнѣе сознана была и важность собственно этнографическихъ изученій, и во-первыхъ, важность правильной постановки этнографическаго собиранія. Ясно, что оно не должно остаться въ томъ неустроенномъ видѣ, въ какомъ оно находилось (за немногими исключеніями) до сихъ поръ, и что нужно принять какія нибудь заботы о томъ, чтобы оно могло стать точнымъ и, по возможности, полнымъ посредствомъ между данными жизни и научнымъ изслѣдованіемъ.

Намъ кажется, что вопросъ о сколько нибудь правильномъ устройствѣ собиранія долженъ быть близокъ всѣмъ, кому только близки интересы этнографіи, и при доброй волѣ нѣчто могло бы быть сдѣлано, каковы бы ни были, впрочемъ, внѣшнія, зависящія отъ ученыхъ, трудности дѣла. Сдѣлаемъ нѣсколько предположеній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроенъ былъ извѣстный Археографическій институтъ, и открыты курсы для изученія архивнаго дѣла и палеографіи. Менѣе ли важно и поучительно читать живую лѣтопись народнаго быта, обычая и поэзіи, чѣмъ архивные свитки? — Мы не мечтаемъ объ „этнографическомъ институтѣ“; но было бы очень возможно дать въ университетскомъ преподаваніи мѣсто (большее или меньшее) вопросу о способахъ наблюденія народнаго быта. Не нужно было бы для этого никакого особаго курса; на первый разъ довольно было бы нѣсколькихъ лекцій: онѣ были бы весьма естественны и умѣстны въ пропедевтикѣ, — которая вообще такъ важна для перваго ознакомленія новыхъ адептовъ съ областью науки и которой, если не ошибаемся, дается слишкомъ мало вниманія въ университетскихъ курсахъ. Цѣлый предметъ естественно распадался бы по нѣсколькимъ каѳедрамъ. Преподавателю исторіи и теоріи литературы или сравнительной исторіи литературъ европейскихъ было бы естественно остановиться на собираніи произведеній народной поэзіи и, отмѣтивъ недостатки существующихъ собраній, указать, какіе должны бы быть правильные пріемы собиранія, удовлетворяющіе требованіямъ научнаго ана-

лиза. Преподаватель-филологъ, — которому приходится говорить объ исторической жизни языка, о живучести многихъ древнихъ формъ, хотя утраченныхъ въ обычномъ книжномъ и разговорномъ языкѣ верхняго класса, но сберегающихся въ народной рѣчи и говорахъ областныхъ,— можетъ подробнѣе остановиться на этихъ послѣднихъ и объяснить, чего ищетъ въ нихъ филологическое изслѣдованіе, какъ точнѣе слѣдуетъ отмѣчать формы, звуки и синтаксическія особенности, какъ важенъ для науки словарь мѣстныхъ нарѣчій или отдѣльныхъ группъ населенія (промышленники разнаго рода, раскольники, казаки, офени, мастеровые и т. д.), какъ слѣдуетъ собирать слова, опредѣлять ихъ значеніе и проч. Преподаватель-историкъ и археологъ при изображеніи древняго быта одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ находитъ въ народномъ преданьѣ, повѣрьѣ и суевѣрьѣ, и можетъ научать правильному наблюденію ихъ въ быту современниковъ. Преподаватель-юристъ въ изложеніи исторіи права не можетъ обойти народнаго юридическаго обычая и, объясняя его значеніе, можетъ указать, что̀ собрано было до сихъ поръ въ этомъ отношеніи, чего еще недостаетъ, какъ должны быть изучаемы юридическіе обычаи народа по разнымъ сторонамъ жизни, по разнымъ мѣстностямъ и племенамъ, по историческимъ и бытовымъ условіямъ, и т. д.

Во всѣхъ названныхъ случаяхъ университетское преподаваніе, безъ сомнѣнія, и теперь касается этой чисто-этнографической стороны предмета; дѣло только въ томъ, что оно касается ея слишкомъ мимоходомъ и при этомъ не обращается вниманія на интересы собственно этнографическаго собиранія. Очевидно, однако, эти интересы не могутъ быть чужды самимъ изслѣдователямъ, и напротивъ, такъ тѣсно связаны съ ихъ дѣломъ, что именно имъ всего ближе должны быть знакомы требованія отъ самаго собиранія фактовъ. Нужно только собрать свой опытъ въ этомъ отношеніи и дать слушателямъ надежный vademecum. Не было бы большого труда упомянутымъ преподавателямъ систематически распредѣлить между собою этотъ трудъ и въ концѣ концовъ обобщить свои результаты въ одномъ цѣльномъ изданіи своихъ чтеній по этому предмету. Научный опытъ, идущій отъ людей компетентныхъ, принесъ бы пользу не для однихъ только университетскихъ слушателей, но и для всѣхъ любителей этнографіи.

Нѣкогда изданіе этнографическихъ программъ Географическаго Общества послужило благотворнымъ стимуломъ для распространенія этнографическаго дѣла; можно ожидать, что трудъ спеціали-

стовъ, который былъ бы новой, гораздо болѣе обширной, многосторонней и глубже обоснованной редакціей подобной программы, имѣлъ бы не менѣе дѣйствительное вліяніе.

Далѣе, въ кругу университетской дѣятельности могли бы быть предприняты и другія работы. Въ послѣдніе годы при филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета существуетъ филологическое общество, одно отдѣленіе котораго посвящено вопросамъ славянской и русской исторіи и археологіи; недавно открылось другое отдѣленіе, посвященное романо-германской филологіи. Занятія обоихъ отдѣленій находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашимъ этнографическимъ вопросомъ, и ихъ руководители могли бы внести въ программу своихъ трудовъ и выясненіе тѣхъ пріемовъ этнографическаго собиранія, для которыхъ руководство должно быть дано именно компетентными спеціалистами въ области народно-поэтической и бытовой старины.

Такимъ образомъ въ средѣ университетскихъ слушателей могли бы наконецъ образоваться научно-подготовленные собиратели, и распространеніе здравыхъ понятій и пріемовъ собиранія — путемъ литературы — могло бы принести великую пользу и тѣмъ любителямъ, которые продолжаютъ появляться и теперь, при всемъ упадкѣ этнографическаго интереса въ послѣдніе годы, и безъ сомнѣнія будутъ появляться и впредь — общество, конечно, будетъ выставлять преданныхъ любителей, какъ не мало выставляло ихъ и до послѣдняго времени.

Далѣе, какъ въ томъ случаѣ, если бы изъ людей, прошедшихъ филологическую школу, нашлись подготовленные собиратели, а также и для руководства любителей необходимо было бы спеціальное изданіе, которое служило бы представителемъ этнографическаго дѣла. Это могло бы быть на первый разъ изданіе небольшое, въ родѣ нѣмецкихъ и французскихъ спеціальныхъ журналовъ по филологіи и археологіи,— изданіе, которое не могло бы давать мѣста обширнымъ трактатамъ, или этнографическимъ сборникамъ (для этого нужны были бы всегда другіе способы изданія), но служило бы именно для объединенія самаго дѣла, ставило бы общіе вопросы, развивало и объясняло программы собиранія, давало свѣдѣнія о ходѣ работъ, запросы по какимъ либо подробностямъ народной поэзіи, обычая, преданья, которые требовали бы объясненія и т. д., словомъ, представляло бы пунктъ объединенія для работниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Подобное изданіе, при извѣстной выдержкѣ, могло бы стать чрезвы-

чайно полезнымъ двигателемъ этнографическаго дѣла; трудъ собирателей могъ быть освѣщаемъ и направляемъ указаніями спеціалистовъ; изслѣдователи могли бы ставить здѣсь вопросы, на которые желали бы отвѣта отъ собирателей, работающихъ на мѣстѣ; для послѣднихъ извѣстность ихъ труда въ разныхъ отношеніяхъ могла бы облегчать самую работу, вызывая сообщенія, давая возможность получить свѣдѣнія объ однородныхъ работахъ въ другомъ мѣстѣ и съ ними сообразоваться, и т. д. Мы не сомнѣваемся, что дѣло, поставленное такъ широко съ помощью спеціальнаго изданія — а также и другихъ мѣръ, о которыхъ скажемъ дальше,— нашло бы глубокія сочувствія въ лучшихъ людяхъ общества, и само пріобрѣло бы новыя силы.

Однимъ изъ важныхъ средствъ какъ для собиранія научнаго матеріала, такъ и для возбужденія любознательности и интереса къ дѣлу въ обществѣ, служатъ музеи. У насъ давно обратили на это вниманіе, и въ настоящее время мы имѣемъ болѣе или менѣе богатыя этнографическія и антропологическія коллекціи въ Москвѣ (въ Румянцовскомъ и Политехническомъ музеѣ), въ Петербургѣ (въ Академіи наукъ, въ Географическомъ обществѣ), въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ, даже въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ (какъ музей въ Ростовѣ, Ярославской губерніи). Но какъ ни любопытны многія изъ этихъ собраній, какъ ни роскошна, напримѣръ, извѣстная коллекція Румянцовскаго музея, очевидно, что они далеко не отвѣчаютъ тому громадному этнографическому матеріалу, какой представляется бытомъ русскаго и инородческаго населенія Россіи. Множество этого матеріала остается до сихъ поръ незатронутымъ, нигдѣ не собраннымъ. Чтобы этотъ отдѣлъ этнографическаго собиранія получилъ извѣстную полноту, надо въ особенности желать умноженія музеевъ мѣстныхъ. Если бы разъ возбужденъ былъ общественный интересъ въ пользу этнографическихъ предпріятій, то мѣстнымъ спеціалистамъ и любителямъ не трудно было бы, заручившись содѣйствіемъ мѣстныхъ властей и земствъ, составить весьма полныя этнографическія коллекціи бытовыхъ предметовъ, чисто мѣстныхъ (одеждъ и всякихъ предметовъ домашняго быта, промысла, фотографій мѣстныхъ типовъ и т. д.),— и обмѣномъ дублетовъ съ другими мѣстными музеями пріобрѣсти разнообразный этнографическій матеріалъ... Извѣстное дѣло, что наше общество, особенно теперь, довольно „беззаботно на счетъ литературы“ и весьма равнодушно къ интересамъ науки; но можно быть увѣреннымъ, что разумная постановка дѣла въ центрахъ, распро-

страненіе общихъ этнографическихъ понятій — тѣми путями, о какихъ мы говорили, пробудитъ въ мѣстныхъ обществахъ сочувствіе къ дѣлу, поддержавши тѣхъ любителей, которые и теперь уже работаютъ по разнымъ предметамъ этнографіи. Провинціальные музеи были бы интересомъ мѣстнаго патріотизма, а этотъ патріотизмъ несомнѣнно существуетъ въ образованнѣйшихъ и простыхъ хорошихъ людяхъ провинціи: нужно только, чтобы онъ нашелъ себѣ возможность дѣятельнаго примѣненія. Любовь къ своему краю, гдѣ проходитъ вся жизнь, такъ естественна, что ее можно предположить даже въ обществѣ мало развитомъ; но при содѣйствіи научныхъ центровъ мѣстнымъ образованнымъ людямъ вѣроятно удастся пробить кору равнодушія или непониманія. Что такое оживленіе мѣстнаго интереса возможно, объ этомъ можно судить по нашей провинціальной печати, очень развившейся въ послѣднія десятилѣтія и лучшіе органы которой привлекаютъ къ себѣ заслуженное вниманіе и въ печати столичной (напр., газеты и мѣстныя изданія кіевскія, харьковскія, казанскія, пермскія, вятскія и т. д). Разъ интересъ будетъ пробужденъ, пополненіе мѣстныхъ музеевъ не потребуетъ большихъ хлопотъ и затратъ: этнографическая коллекція будетъ требовать самыхъ обыкновенныхъ предметовъ народнаго быта, и частныя лица, безъ сомнѣнія, не откажутъ музеямъ въ пожертвованіяхъ...

Музеи столичные, при всемъ ихъ богатствѣ, не могутъ похвалиться какой нибудь полнотой. Въ составленіи подобныхъ музеевъ все еще проглядываетъ старое понятіе о музеѣ, какъ собраніи „рѣдкостей“ и „достопримѣчательностей“ (по старинному „раритетовъ“ и „куріозовъ“),— отчего въ нихъ находятъ мѣсто и особливо считаются нужными предметы изъ далекихъ странъ, отъ малоизвѣстныхъ племенъ и населеній. Но какъ этнографическое изученіе не дѣлаетъ исключеній и интересуется равно всѣми русскими инородческими племенами, и въ средѣ одной народности стремится обнять всѣ ея бытовыя формы, такъ и коллекціи не должны дѣлать различія между близкимъ и дальнимъ, рѣдкимъ и частымъ—въ обыкновенномъ практическомъ смыслѣ: большее или меньшее мѣсто въ коллекціяхъ для извѣстнаго племени, или мѣстности въ территоріи одной народности должно опредѣляться не этими внѣшними соображеніями, а свойствомъ самыхъ явленій — большей или меньшей однородностью или разнообразіемъ бытовыхъ типовъ и особенностей. Меньше мѣста потребуетъ небольшое племя или извѣстная часть русскаго населенія съ однороднымъ складомъ быта, и больше

мѣста займетъ та народная жизнь, которая представитъ большее разнообразіе въ физическомъ типѣ, племенныхъ смѣшеніяхъ, промыслѣ и обычаяхъ и т. д.

Именно эта случайность этнографическихъ предметовъ бросается въ глаза въ нашихъ музейныхъ коллекціяхъ; есть предметы изъ быта, напримѣръ, остяковъ, тунгузовъ, якутовъ, но нѣтъ ничего о мордвѣ, зырянахъ, вотякахъ и т. п.; есть большая коллекція костюмовъ Тверской, Ярославской, Владимірской губерніи, но нѣтъ ничего изъ Новгородской, Тульской, Рязанской и т. п. Такимъ образомъ собранные предметы остаются, въ сущности, „куріозами“ и „раритетами“, и не представляютъ собой полнаго матеріала по какой либо отрасли быта: эти предметы пригодны для популярныхъ цѣлей, для поощренія любознательности бѣгло ихъ осматривающей публики,— но не для научныхъ цѣлей: именно для сравненій, которыя могутъ дѣлаться только по нѣсколько полному матеріалу. Дѣйствительно, рѣдко кто пользовался съ подобной цѣлью, напримѣръ, коллекціями Географическаго Общества, Московскаго публичнаго музея или Академіи наукъ.

Итакъ, правильная организація этнографическаго собиранія и музейныхъ коллекцій составляетъ постоянную потребность науки, и вмѣстѣ естественную цѣль ученыхъ учрежденій, посвящающихъ свои труды развитію этнографіи. Въ области народнаго обычая и словесности особенно желательно, чтобы собирателями были не случайные любители, у которыхъ слишкомъ часто давалъ и даетъ себя знать недостатокъ научной школы, а люди, знакомые съ точными данными и требованіями науки; но такъ какъ на это, вѣроятно, еще долго нельзя будетъ разсчитывать, то желательно, чтобы по крайней мѣрѣ любителямъ дана была возможность оріентироваться въ предметѣ, чтобы указанія спеціалистовъ выяснили имъ способы собиранія этнографическаго матеріала — мѣстнаго говора, пѣсенъ, обрядовъ, суевѣрій, мѣстныхъ преданій, и чтобы, для этого, программы, издаваемыя учеными обществами, представляли не сухое оглавленіе искомыхъ отвѣтовъ, а мотивированное научными объясненіями и примѣрами. Желательно, далѣе, чтобы труды собирателей, разсѣянныхъ по пространству имперіи, имѣли литературное средоточіе въ спеціальномъ изданіи, которое вело бы лѣтопись трудовъ, ставило вопросы, сообщало практическія замѣчанія, мелкіе матеріалы и т. д. Желательно, чтобы предприняты были работы для соединенія въ одно цѣлое, хотя бы путемъ подробнаго библіографическаго описанія, тѣхъ многочисленныхъ матеріаловъ, не-

рѣдко очень цѣнныхъ, которые разсѣяны въ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ, провинціальныхъ, и большею частію остаются недоступными для изслѣдователей,— въ томъ родѣ, какъ подобная работа начата недавно мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ для пермскаго края [1]). Наконецъ желательно, чтобы этнографическія коллекціи были поставлены болѣе нормальнымъ образомъ, чтобы собираніе ихъ стало общимъ интересомъ, распространилось на мѣстахъ, и по крайней мѣрѣ въ центральныхъ музеяхъ доставило полный и многосторонній этнографическій матеріалъ, который могъ бы дѣйствительно служить пособіемъ для научныхъ изысканій.

Эти широкія задачи, необходимыя для прочной постановки этнографической науки, конечно, могутъ быть только дѣломъ ученаго учрежденія, которое имѣетъ большій или меньшій общественный авторитетъ, установившіяся оффиціальныя сношенія и личныя связи, и владѣетъ какими-нибудь матеріальными средствами. У насъ только три учрежденія могли бы (разсуждая вообще) взять на себя подобный трудъ или какую-либо часть его: Второе (русское) отдѣленіе Академіи наукъ, Московское общество естествознанія и антропологіи и Географическое Общество.— Что касается академическаго отдѣленія, оно, какъ мы упоминали, едва ли возьметъ на себя подобную иниціативу, хотя въ свое время Срезневскій умѣлъ и внушить своимъ сочленамъ, помнившимъ Шишкова, и возбуждать внѣ академіи этнографическій интересъ и пріобрѣсти корреспондентовъ, которые доставили отдѣленію не мало любопытныхъ произведеній народной поэзіи, напр., почти первые, послѣ изданія Кирши Данилова и задолго до Рыбникова, образчики живого богатырскаго эпоса [2]). По крайней мѣрѣ можно было бы ожидать, что академическое отдѣленіе не останется равнодушно къ вопросу объ историческомъ словарѣ русскаго языка, о мѣстныхъ нарѣчіяхъ и словарѣ областномъ. Заботы объ этомъ дѣлѣ относятся также ко временамъ Срезневскаго, тридцать лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ онѣ, къ сожалѣнію, не возобновлялись, но эти работы лежатъ на

---

[1]) Сборникъ статей, касающихся Пермской губерніи и помѣщенныхъ въ неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей въ періодъ 1842—1881. Вып. I. Перм. 1882.

[2]) „Памятники великорусскаго нарѣчія“ (собранные изъ „Извѣстій“), Спб. 1855, и друг.

совѣсти высшаго ученаго учрежденія имперіи.—Не знаемъ, далѣе, какъ отнеслось бы къ излагаемому нами вопросу Московское общество естествознанія, антропологіи и этнографіи; но думаемъ, что у него могли бы быть свои выгодныя условія для организаціи этнографическаго собиранія и его начатыя работы по антропологіи могли бы служить введеніемъ къ болѣе широкимъ предпріятіямъ.— Наконецъ, въ особенности, этотъ интересъ долженъ быть близокъ этнографическому отдѣленію Географическаго Общества. Здѣсь должны бы сосредоточиваться и отсюда получать инициативу тѣ этнографическія работы, какія составляютъ все болѣе чувствуемую потребность нашей науки.

На это указываютъ и старыя традиціи общества и его разнообразныя установившіяся отношенія.

Географическое Общество основалось въ эпоху, очень мало благопріятную для научныхъ предпріятій. Въ немногихъ кружкахъ шла дѣятельная умственная жизнь, мало проникавшая въ массу общества; но широкія задачи, поставленныя новымъ учрежденіемъ, несомнѣнная ревность къ дѣлу, отличавшая первыхъ начинателей, успѣли произвести сильное впечатлѣніе даже въ той (однако, весьма вліятельной) средѣ, которая обыкновенно оставалась глуха и безучастна къ лучшимъ движеніямъ умственной жизни и къ самымъ живымъ стремленіямъ образованнѣйшихъ людей. Новое учрежденіе въ то время стало модным даже въ аристократическихъ и чиновныхъ кругахъ. Причина успѣха заключалась въ томъ, что мысль объ изученіи народа, лежавшая въ основѣ плана Географическаго Общества, была глубоко сочувственна образованнѣйшимъ людямъ, особенно въ тогдашней бѣдности общественныхъ интересовъ, и своей идеальной народолюбивой стороной затронула даже тѣхъ, чье существованіе обходилось обыкновенно безъ всякихъ идеалистическихъ затѣй...

Въ области этнографіи первымъ дѣломъ Географическаго Общества было изданіе программы для собиранія этнографическаго матеріала, и программѣ дано было большое распространеніе въ провинціи. Слѣдствіемъ было доставленіе множества мелкихъ и крупныхъ работъ и матеріаловъ, которые послужили какъ для первыхъ изданій самого Общества, такъ и для работъ постороннихъ ученыхъ, какъ напримѣръ, изданіе сказокъ, Аѳанасьева, главнымъ образомъ по текстамъ Географическаго Общества. Этимъ собираніемъ свѣдѣній, многочисленными сношеніями по другимъ отдѣленіямъ общества (физической географіи и статистики), новое учреж-

деніе пріобрѣло уже вскорѣ много новыхъ членовъ и обширныя связи; у него стала собираться значительная спеціальная библіотека; положено было начало коллекціямъ; общество стало центромъ географическихъ и этнографическихъ работъ. Оно стало предпринимать экспедиціи, и къ нему стали направляться значительныя пожертвованія частныхъ лицъ, которыя давали возможность расширять его предпріятія. Въ концѣ концовъ, стали открываться филіальные отдѣлы Общества въ разныхъ краяхъ имперіи — юго-западный (лѣтъ десять назадъ закрытый), кавказскій, сибирскіе отдѣлы и пр., которые предпринимали свои самостоятельныя работы. Изданія и экспедиціи Общества сослужили большія службы общему географическому знанію и этнографическому изученію нашего отечества.

Но время идетъ; въ самой наукѣ произошло, какъ мы упоминали, могущественное новое развитіе, она движется теперь быстрѣе, требованія становятся все шире, старыя рѣшенія не удовлетворяютъ,— и самыя ученыя учрежденія должны расширить свою дѣятельность, чтобы отвѣчать возростающимъ требованіямъ. Прежнее этнографическое собираніе—всего чаще случайное, диллетантское, частичное, иногда просто крохоборное — должно смѣниться организованнымъ изслѣдованіемъ, простирающимся на всѣ основные типы и мѣстности населенія и производимымъ людьми научно приготовленными. Мы любимъ говорить о могуществѣ нашего отечества, о милліонахъ русскаго народа, захватывающихъ необозримую территорію, готовыхъ къ великой роли въ будущемъ,— но всему этому слишкомъ мало отвѣчаютъ научныя работы, посвящаемыя изученію этого народа. Убѣжденіе въ величіи народа, если оно серьезно, именно должно бы умѣрить хвастливыя фразы и увеличить заботу о расширеніи тѣхъ научныхъ трудовъ, которые въ особенности направляются на его многостороннее и правильное изученіе: это изученіе необходимо не только для цѣлей чистой науки, но и для внутренняго и практическаго самосознанія; успѣхи этого изученія считаются теперь требованіемъ и условіемъ самого національнаго достоинства... Повторимъ, что время не ждетъ. Настоящій періодъ народной жизни есть видимый періодъ перелома, когда старый бытъ особенно быстро мѣняется, преобразуется, и старина на нашихъ глазахъ отходитъ въ исторію. Схватить эти уходящіе отголоски старины и укрѣпить ихъ вѣрной передачей для науки должно бы стать обязанностью нынѣшняго ученаго поколѣнія, чтобы избѣжать укора отъ слѣдующихъ поколѣній, для кото-

рыхъ многое уже погибнетъ безвозвратно. Правда, долго еще продержатся иныя первобытныя захолустья и медвѣжьи углы, куда не проникнетъ новизна,— но, какъ замѣчали изслѣдователи олонецкаго края, и сюда доходятъ отголоски новой жизни, дѣйствующей на старину быстро разлагающимъ образомъ; въ лучшемъ случаѣ, и здѣсь, однако, сохранится только свое мѣстное преданье, а другая мѣстная старина, еще не пропавшая теперь въ центрахъ и бойкихъ мѣстахъ народной жизни, уйдетъ вмѣстѣ съ нынѣшними стариками: молодыя поколѣнія уже равнодушны къ ней и не знаютъ ея — не исполняютъ стараго обычая, не поютъ, и не хотятъ пѣть старыхъ пѣсенъ и т. д. Нѣкогда думали, что народное преданіе едино, что все равно гдѣ ни сбережется оно, и что дѣло сдѣлано, гдѣ бы преданье или пѣсня ни были записаны: мы знаемъ теперь, что этого единства нѣтъ, что напротивъ при общихъ мотивахъ преданье чрезвычайно разнообразно, представляетъ множество варіацій; каждая мѣстность, каждый отдѣлъ племени несетъ свой оттѣнокъ старины, свой мѣстный складъ обычая и поэтическаго творчества,— и именно изученіе этого разнообразія бытовыхъ и поэтическихъ явленій можетъ принести наукѣ любопытнѣйшіе результаты, какъ слѣдъ старой народной исторіи.

При мысли о необходимости новой организаціи этнографическаго собиранія, мы останавливаемся, конечно, на Отдѣленіи Этнографіи Географическаго Общества. Предполагаемъ, что ученые преподаватели филологіи, исторіи русской литературы и литературъ романо-германскихъ, исторіи русскаго права дадутъ своимъ слушателямъ теоретическія наставленія о правильномъ собираніи народной старины; эти слушатели, которымъ суждено разсѣяться по разнымъ краямъ нашего отечества, могутъ примѣнять на дѣлѣ внушенную имъ любовь къ этому преданью. Предполагаемъ дальше, что оснуется спеціальное изданіе, посвященное этому дѣлу. Останется еще вопросъ практическаго выполненія задачи, установленія оффиціальныхъ сношеній, библіотечныхъ работъ, сосредоточенія и изданія крупнаго матеріала, устройства экспедицій (о послѣднихъ сейчасъ скажемъ), основанія и расширенія музеевъ—во всемъ этомъ необходимо было бы дѣятельное участіе и иниціатива этнографическаго отдѣленія. Всѣ эти труды и учрежденія должны имѣть свой центръ, который объединялъ бы ихъ дѣятельность, доставлялъ необходимыя указанія, давалъ наконецъ нравственную опору...

Географическое Общество уже имѣетъ готовые кадры для подобной дѣятельности—его филіальные отдѣлы, его библіотеку, изда-

нія, сношенія. Съ ихъ помощью работы Общества могутъ удобно быть расширены. Отдѣлы могутъ быть поставлены въ болѣе тѣсную, чѣмъ теперь, связь съ центральнымъ Обществомъ, могутъ принять участіе въ опредѣленіи будущаго плана дѣйствій и въ его исполненіи.

Напримѣръ. Должны бы быть прежде всего опредѣлены тѣ мѣстности, тѣ группы русскаго и инородческаго населенія, которыя требовали бы особеннаго вниманія,— какъ по общему ихъ характеру, такъ и потому, что до сихъ поръ были менѣе другихъ изучаемы. Такіе пункты могли бы быть безъ особеннаго труда указаны теперь же, по наличнымъ свѣдѣніямъ, какія имѣются въ литературѣ, и по частнымъ указаніямъ спеціалистовъ. Теперь же, могли бы быть намѣчены тѣ стороны, какія требовали бы особеннаго изученія въ той или другой мѣстности—народный типъ, обычаи, народно-поэтическія произведенія, языкъ. Эти первыя соображенія могли бы, на первый разъ, быть опредѣлены хоть бы только въ общихъ чертахъ, чтобы самый приступъ къ дѣлу не откладывался въ дальній ящикъ,— какъ это у насъ слишкомъ часто бываетъ.

Въ то же время, должны быть предприняты работы по составленію новыхъ руководствъ для этнографическаго собиранія, о чемъ говорено выше, и новой программы вопросовъ, болѣе отвѣчающей положенію науки, чѣмъ старая программа Географическаго Общества. Частныя работы спеціалистовъ по этому предмету могли бы быть сведены въ одно цѣлое, и окончательное установленіе программы могло бы быть сдѣлано въ средѣ этнографическаго отдѣленія,—какъ здѣсь установлена была, совмѣстно съ Вольно-экономическимъ Обществомъ, программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Далѣе. Иниціативой Географическаго Общества могло бы быть положено начало этнографическихъ съѣздовъ, которые могли бы получить для этнографической науки такое же благотворное значеніе, какое несомнѣнно имѣли въ своей области съѣзды археологическіе. По связи самыхъ наукъ, этнографы приняли нѣкоторое участіе какъ въ археологическихъ съѣздахъ, такъ и въ работахъ Московскаго общества естествознанія и антропологіи въ 1879 году; но участіе было случайное, и этнографія вообще не могла быть здѣсь представлена сколько нибудь полнымъ образомъ. Очевидна важность съѣзда собственно этнографическаго, при посредствѣ ко-

тораго были бы сосчитаны (хотя приблизительно) этнографическія силы и приняты соглашенія о единообразной этнографической работѣ по вновь выработаннымъ программамъ, и пр. Необходимость новой научной организаціи этнографическаго собиранія такъ ясна, что не могла бы возбудить никакихъ споровъ или сомнѣній, но личная встрѣча ученыхъ и любителей могла бы много помочь установленію общихъ началъ, утвердила бы практическое примѣненіе новыхъ пріемовъ и, вѣроятно, усилила бы самый интересъ къ широко поставленному дѣлу, которое такъ нуждается въ содѣйствіи общественнаго мнѣнія и силъ. Если бы за первымъ съѣздомъ въ Петербургѣ послѣдовалъ второй въ Москвѣ, и затѣмъ въ провинціальныхъ университетскихъ и иныхъ городахъ (какъ было съ археологическими съѣздами), мы убѣждены, что каждая новая встрѣча ученыхъ была бы новымъ успѣхомъ этнографической науки и размножала бы филіальные отдѣлы общества. Самая наука, конечно гораздо больше археологіи, близка къ пониманію и участію общества, и общественный интересъ къ дѣлу этнографіи, который здѣсь едва ли не въ первый разъ былъ бы возбужденъ въ широкомъ размѣрѣ, отразился бы большимъ нравственнымъ и, быть можетъ, матеріальнымъ подкрѣпленіемъ стремленій науки.

Въ связи съ этнографическими съѣздами или даже помимо ихъ (если бы не нашлось средствъ и энергіи для ихъ осуществленія), этнографическое отдѣленіе могло бы установить болѣе дѣятельныя сношенія съ отдѣлами, которые теперь въ сущности работаютъ въ этнографіи почти безъ всякой связи съ своей метрополіей, далѣе—размножить филіаціи общества, или по крайней мѣрѣ пріобрѣсти корреспондентовъ на мѣстахъ, особливо въ университетскихъ и другихъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ центрахъ. Мы упоминали, что и въ данную минуту въ этихъ пунктахъ найдется, вѣроятно, не мало людей, заинтересованныхъ этнографическими предметами: въ провинціальной печати—оффиціальной, земской и частной—и теперь являются нерѣдко цѣнныя этнографическія работы, матеріалы и замѣтки; въ „статистическихъ сборникахъ“, посвященныхъ своимъ спеціальнымъ цѣлямъ, печатаются иногда маленькіе сборники пѣсенъ, описанія обычаевъ и т. п.; въ „памятныхъ книжкахъ“, существующихъ во множествѣ, разсѣяны бытовые матеріалы, и т. д. Словомъ, этнографическій интересъ сказывается самъ собой, въ силу давно пробужденныхъ стремленій къ изученію народнаго быта: этотъ интересъ усилится и обнаружится болѣе живою и система-

тическою дѣятельностью, когда будетъ что нибудь сдѣлано для объединенія этихъ мѣстныхъ, разбросанныхъ и разъединенныхъ работъ,— и такое объединеніе составило бы великую заслугу этнографическаго отдѣленія.

Нѣкогда, лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, мнѣ случилось бесѣдовать съ извѣстныхъ нѣмецкимъ миѳологомъ и этнографомъ, Маннгардтомъ. Весь погруженный тогда въ необозримый міръ народныхъ миѳовъ и преданій, — между которыми, въ разныхъ концахъ земного шара, открывались замѣчательныя, нерѣдко совсѣмъ неожиданныя тождества и параллели, тѣмъ больше частыя у народовъ, близкихъ по племени, культурѣ и исторіи,—онъ находилъ (совершенно справедливо), что настоящіе прочные выводы о судьбѣ народныхъ миѳовъ, или вообще о древнемъ міровоззрѣніи могутъ быть сдѣланы только тогда, когда изслѣдователь будетъ имѣть въ рукахъ всѣ главныя данныя, разсѣянныя въ миѳологіи народовъ; и онъ мечталъ объ основаніи—по всѣмъ главнымъ странамъ—наблюдательныхъ пунктовъ, которые, на подобіе физическихъ или астрономическихъ обсерваторій, могли бы собирать и сообщать мѣстныя этнографическія данныя по вопросамъ, возникающимъ у изслѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, такіе наблюдательные пункты уже устраиваются для цѣлей естествознанія; и если существуютъ метеорологическія обсерваторіи, „зоологическія“ и „біологическія станціи“, то почему не были бы возможны станціи антропологическія и этнографическія?.. Русскія научныя силы очень умѣренны, и нельзя ждать, чтобы могло образоваться много такихъ наблюдательныхъ пунктовъ, но надо желать, чтобы по крайней мѣрѣ въ главныхъ мѣстностяхъ нашлись люди, способные къ правильному этнографическому наблюденію. Такими наблюдательными пунктами могли бы стать тѣ филіаціи этнографическаго отдѣленія, о которыхъ мы говорили, и которыя или могли бы примкнуть къ мѣстнымъ статистическимъ комитетамъ (коронным и земскимъ) или рядомъ съ ними могли бы, съ одной стороны, вести свою общую работу по описанію края, съ другой, сообщать мѣстныя данныя по вопросамъ, возникающимъ въ наукѣ. На дѣлѣ, во многихъ мѣстахъ уже есть на лицо готовые работники, которые съ охотой примкнули бы къ ученому центру, черезъ посредство филіальныхъ обществъ.

Наконецъ, остается родъ научныхъ предпріятій, который въ особенности могъ бы быть исполненъ именно этнографическимъ

отдѣленіемъ, и представляется совершенно необходимымъ. Это — этнографическія экспедиціи. Этнографическое отдѣленіе уже сознало эту необходимость, когда пятнадцать лѣтъ тому назадъ задумало экспедиціи въ сѣверо-западный и юго-западный край. Одна изъ экспедицій не удалась; за то другая, энергическимъ исполнителемъ которой былъ покойный Чубинскій, принесла богатые результаты въ огромномъ собраніи матеріала и въ любопытныхъ изслѣдованіяхъ. Въ этихъ экспедиціяхъ предполагались, однако, нѣсколько исключительныя цѣли. Та и другая область были „окраины", которымъ посвящалось тогда особенное вниманіе. Но, оставляя въ сторонѣ политическія соображенія, можно ли сказать, чтобы сама коренная великорусская народность, народный бытъ центральныхъ губерній, сѣвера и востока европейской Россіи и всей Сибири были изслѣдованы достаточно? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, признать, что эти края и эта народность требовали бы не меньше вниманія? Болѣе широкія политическія соображенія, именно потребности нашего народнаго и общественнаго сознанія, укажутъ не меньшую необходимость изученія самыхъ центровъ, основной территоріи русской народности, и этнографическая экспедиція нужна для Виленской, Витебской или Волынской и Подольской губерніи никакъ не болѣе, чѣмъ для Московской, Новгородской, Тульской, Воронежской, Костромской, Архангельской и т. д. Эти мѣстности дали, правда, много разбросаннаго матеріала въ наши сборники народной поэзіи, описанія обычаевъ и т. п.; но никогда онѣ не были предметомъ правильнаго этнографическаго изслѣдованія—ни въ цѣломъ, ни въ какой-либо отдѣльной его отрасли, какъ, однако, многія изъ нихъ были внимательно изслѣдуемы въ отношеніи экономическомъ — сельскохозяйственномъ, фабричномъ, по кустарнымъ промысламъ и т. п. Работа чисто этнографическая, конечно, не привлекаетъ статистиковъ и считается часто какъ будто ненужной или уже сдѣланной, — но спеціалистамъ извѣстно, что она вовсе не сдѣлана...

Намъ кажется, что этнографическое отдѣленіе исполнило бы самую существенную свою задачу, еслибы оцѣнило необходимость такихъ правильныхъ этнографическихъ описаній. Когда, больше ста лѣтъ тому назадъ, первые русскіе академическіе путешественники предприняли свои экспедиціи и возъимѣли, какъ знаменитый Лепехинъ, счастливую и разумную мысль записывать изо дня въ день

свои странствія со всѣми бытовыми подробностями, какія они встрѣчали въ народной жизни, — сколько любопытнаго собрали они въ своихъ запискахъ, которыя до сихъ поръ доставляютъ цѣнный матеріалъ для этнографа, хотя они вовсе не были спеціалистами этнографіи. Сколько любопытнаго могутъ доставить и теперь подобныя наблюденія въ рукахъ подготовленнаго изслѣдователя, который уже имѣетъ передъ собой поставленные наукою вопросы и предлагаемыя рѣшенія, и который, не мудрствуя лукаво и только внимательно изучая факты, можетъ дать наукѣ драгоцѣннѣйшія указанія... Географическое Общество въ послѣднія десятилѣтія употребило много заботъ на устройство ученыхъ экспедицій въ разныя отдаленныя окраины; но въ научномъ смыслѣ изслѣдованіе внутреннихъ губерній, Волги, Сѣвера, Урала, при-Кавказья и т. д. съ этнографической стороны составило бы не менѣе важный трудъ, чѣмъ изслѣдованіе Новой Земли, Камчатки или Алтая, и пора бы этнографическому отдѣленію получить свою долю въ ученыхъ предпріятіяхъ и экспедиціяхъ Географическаго Общества. Мы говорили выше, въ какомъ отрывочномъ, неорганизованномъ видѣ находится антропологическое и этнографическое изслѣдованіе самого русскаго народа. Пора бы и для достоинства науки, и для достоинства русскаго общества, сдѣлать что нибудь цѣльное, научно-полное и правильное для изученія самой господствующій народности...

Очень обыкновеннымъ возраженіемъ является въ подобныхъ случаяхъ ссылка на недостатокъ денежныхъ средствъ. Возраженіе существенное; но находятся же средства на всякія другія экспедиціи; правда, доля ихъ издержекъ оплачивалась иногда оффиціальными вѣдомствами или частными пожертвованіями, но послѣднія, вѣроятно, нашлись бы и въ этомъ случаѣ, еслибы поставлена была широкая, научно организованная задача: она, безъ сомнѣнія, привлекла бы сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, и достоинство предпріятія вызвало бы охоту жертвовать для него матеріальныя пособія. Извѣстно, къ сожалѣнію, что просвѣщенный интересъ подобнаго рода, на который приходится разсчитывать по нищенству ученыхъ учрежденій, не есть частое явленіе въ нашемъ обществѣ, но нельзя сказать, чтобы онъ совсѣмъ отсутствовалъ и, вѣроятно, не отсутствовалъ бы и въ этомъ случаѣ.

Мы не говоримъ здѣсь о степени участія, какое могло бы принять въ этомъ вопросѣ московское Общество естествознанія и антропологіи, — потому только, что не знаемъ его плановъ въ на-

стоящее время и его практическаго положенія; но разумѣется само собою, что его участіе было бы въ высшей степени важно, и еслибы оно раздѣлило съ Географическимъ Обществомъ инициативу этнографическаго изслѣдованія, о которомъ мы говоримъ, это было бы такой же заслугой для науки.

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXI т. „Извѣстій“ Общ.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.